

У Твена, как и у всякого человека, были свои слабости и пристрастия. Прежде всего, он был заядлым курильщиком. В его комнате всегда находилось двадцать-тридцать набитых табаком трубок, чтобы он мог, не отрываясь от работы, курить их одну за другой. Его друг, Джозеф Твичел, рассказывал: "Когда ему случалось погостить у нас несколько дней, весь дом приходилось проветривать, - он курил от утреннего завтрака до отхода ко сну.

Он и спать всегда уходил с сигарой в зубах, и я, помня об опасности пожара, поднимался за ним следом и убирал сигару, когда она еще тлела, а он уже спал. Не знаю, сколько можно курить без опасности для жизни, но он, видимо, курил максимум возможного, ибо курил не переставая". Всегда крайне щепетильно относящийся к бритью, писатель каждое утро принимал цирюльника, и тот, будучи не в состоянии разглядеть Твена за табачным дымом, был вынужден кричать и звать его. Приходилось открывать окна, иначе в густом дыму лезвие могло бы легко отхватить кусочек носа или уха великого юмориста.